

Представители высшего класса китайского общества предпочитают и главное – могут себе позволить – чистые продукты органического происхождения. Безусловно, сейчас в Китае создаются условия для развития органического сельского хозяйства. Но экологическая ситуация в Китае, конечно, не позволит этой стране стать мировым лидером в производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции, делая цены на нее безумно дорогими. Органическое производство в Китае сегодня засекречено до такой степени, что доступ к таким продуктам имеют лишь высокопоставленные чиновники. Поэтому такие производственные компании не делают себе рекламу, чтобы не афишировать свою направленность на конкретных потребителей [2].

Низшие слои населения вынуждены питаться менее чистыми и менее здоровыми продуктами. В последнее время остро ставится проблема преобладания вредных веществ в продуктах. Совсем недавно в Китае были обнародованы факты заболевания малолетних детей мочекаменной болезнью, вызванной употреблением сухих молочных смесей производства китайской компании «Саньлу». Компания применяла в производстве детского питания меламин – химическое вещество, используемое в производстве пластика. Жертвами меламин в Китае стали более 50 тысяч детей, четверо скончались, многие до сих пор находятся в больницах [3].

Таким образом, феномен «стратификации питания» в Китае активизируется под воздействием глобализационных процессов и выявляет не только явные различия в структуре питания между разными группами населения, но и определяют здоровье как критерий социального благополучия общества и всего государства. Понятие «экологически безопасная продукция» становится ключевым для многих китайских диетологов, социологов и даже политиков. Экологизация сельскохозяйственной деятельности может изменить ситуацию, поэтому сегодня не только важно сохранить интерес к традиционной китайской кухне, но и найти пути решения экологических проблем в пищевой промышленности, что сделает доступным хорошее и здоровое питание для всех слоев китайского общества.

Список литературы

1. Иванова М.С., Морозова В.С. «Глобализация питания» в современном Китае: социальная стратификация и вкусовые предпочтения // *Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации»* (г. Чита, 28 февраля 2013 г.). Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 174.
2. Иванова М.С., Морозова В.С. «Глобализация питания» в современном Китае: социальная стратификация и вкусовые предпочтения // *Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации»* (г. Чита, 28 февраля 2013 г.). Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. С. 176.
3. Осторожно – меламин! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pfcop.opitani.ru/pop_articles/melamin.shtml

ФЕДЕРАТИВНО-КОНФЕДЕРАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Мавкова А.В., Магафонова Ю.А.

*Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия*

В современной политической практике довольно часто черты конфедеративного государства переплетаются с федеративными характеристиками. В соответствие с современными тенденциями развития унитарных, федеративных государств и конфедеративных объединений, мы предлагаем расширить т.н. «сферу федерализма» и включить в нее не только разнообразные федеративные формы, но и проявления

договорных (федеративных) начал в рамках унитарных государств и конфедераций.

Генезис европейского федерализма, начавшийся с католического социального учения, протестантского реформизма и теории народного суверенитета И. Альтузия, в настоящее время воплотился в новый тип организации политико-территориальной структуры современного общества – Европейский Союз [1].

Многие исследователи пытаются определить форму политико-территориальной организации Евросоюза. Исходя из традиционного противопоставления федеративного и конфедеративного начал, анализируя структуру и разграничение полномочий между уровнями власти, Европейский союз считают конфедерацией.

Первоначально Европейский Союз развивался по пути функционализма, предполагающего реакцию правительств на практические нужды общества, интеграцию по отдельным областям такими темпами, которые определялись государствами-участниками данного процесса. Не случайно на первый план вышло экономическое объединение, признанное жизненно важным и вызвавшее меньше всего споров в европейском сообществе.

Европейская интеграция началась с подписания Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г., основании Европейского сообщества по атомной энергии в 1957 г. и европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1958 г.

Уже у идеологов европейской интеграции существовали разногласия по поводу пути создания политического объединения на принципах федерализма.

Если одни исследователи характеризуют развитие Европейского сообщества в ракурсе функционализма – неофункционализма, то другие отмечают, что уже на начальном этапе объединения Западной и части южной Европы стало очевидно, что в концептуальной области речь идет о сосуществовании и конкуренции двух векторов интеграции – федералистского и конфедералистского [2].

Г. Лундестад указывает, что федералистские устремления проявились в создании Европейского объединения угля и стали (1950 г.), предложении о формировании объединенной европейской армии (1950 -1954 гг.), создании Евратома (1958 г.) и Европейского экономического сообщества (1958 г.), а конфедералистская философия легла в основу создания ОЕЭС (1948 г.), Европейского совета (1949 г.) и Европейской Ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) (1960 г.).

С 1967 г., когда Европейское сообщество угля и стали, европейское экономическое сообщество и Евратом были объединены в единое Европейское сообщество, функционализм трансформировался в неофункционализм, подтверждающий закономерность, что региональное сотрудничество в одной сфере порождает стремление к дальнейшей интеграции. Европейский союз прошел беспрецедентный путь от экономического сотрудничества до Маастрихтского договора.

Маастрихтский договор вступил в силу в ноябре 1993 г. Несмотря на многочисленные дискуссии, по вопросу политической формы будущей Европы остался открытым. Тем не менее, формулировка «союз с тенденцией к федерации», содержащаяся в первоначальном проекте договора, была заменена на выражение «все более тесный союз европейских народов» [3]. Н.Н. Наумова указывает, что многие экономические положения договора о ЕС имеют федеративную направленность при сохранении конфедеративной идеи в вопросах внешней и внутренней безопасности,

где ведущую роль играет процедура единогласного принятия решений.

Дальнейшая интеграция осуществлялась в рамках Шенгенского соглашения (1995 г.), решениях Амстердамского саммита (1997 г.) введения «евро» (2001 г.), составления проекта «Конституции для Европы» (2004 г.), подписания Заключительного акта Лиссабонской Межправительственной конференции – Лиссабонского договора (2007 г.).

Среди перечисленных соглашений особое внимание исследователей современного федерализма (конфедерализма) привлекает Лиссабонский договор, ставший важным шагом в процессе политической и правовой интеграции ЕС. Отсутствие гарантии успешного прохождения через процедуру референдума и заставило преобразовать Конституцию в Договор, что, на наш взгляд, не изменило сути и направленности развития европейской интеграции. На Лиссабонской конференции большая часть европейских стран приняла решение отказаться от использования процедуры референдума для утверждения Договора и передать парламентам полномочия по его ратификации. К 2008 г. 24 из 27 стран ЕС ратифицировали Договор. Лиссабонский Договор и Заключительный акт конференции зафиксировали некоторое расширение полномочий Европарламента, Еврокомиссии и Европейского суда.

Оценка этих документов в исследовательской литературе разнообразна. Действительно, если ЕЭС можно с уверенностью определить как конфедерацию, действующую на основе межправительственного принципа, то оценка современного ЕС не может быть такой однозначной.

К конфедерации (в классическом понимании этого термина) ЕС позволяют отнести следующие черты:

- ограниченности компетенции Центра вопроса, оговоренными в многосторонних соглашениях;
- отсутствие права прямого сбора налогов с граждан;
- договор о создании конфедерации фактически не может быть пересмотрен;
- государства-члены ЕС могут прекратить членство в союзе по собственному желанию;
- ЕС строит свою деятельность на основе международного права и добровольно принятых международно-правовых обязательств;
- суверенитет членов ЕС лишает силы решения Центра без их согласия;
- государства-члены могут выступать как самостоятельные субъекты международного права;
- отсутствие у постоянно действующих государственных органов властных полномочий, формирование только тех органов, которые решают специально оговоренные вопросы.

Однако, Европейский союз позволяет охарактеризовать современный федерализм в другом ракурсе, фактически нарушая традиционный антагонизм между федерацией и конфедерацией. К примеру, государства-члены ЕС, де-юре имея право сепарации без согласия руководящих органов и других участников сообщества, де-факто не могут его осуществить без ущерба для себя. Изначальная договоренность о решении общих задач создает коллективную зависимость. Также ЕС реализует право на установление таможенных и тарифных ограничений, введение единой системы денежного обращения, союзного гражданства, фактически перерастая в федерацию.

Федеративная тенденция нашла свое проявление в следующих соглашениях. Единый европейский акт 1982 г. и Маастрихтский договор 1992 г., провозгласившие начало нового этапа европейской интеграции,

углубление компетенции ЕС в области координации экономической, валютной, социальной политики, социально-экономического сплочения, исследований и технологического развития, защиты окружающей среды, развитие европейского сотрудничества в области внешней политики и введение общего гражданства Союза.

Кроме того, с середины 80-х гг. участники ЕС взяли курс на постоянную координацию политики в области внутренних дел. Именно федеративному государству свойственно единство основ государственного строя и единого правового пространства. В 1985 г. было подписано Шенгенское соглашение о постепенной отмене контроля на внутренних границах ЕС, а в 1986 г. – организована Специальная рабочая группа по иммиграции для изучения дел и координации действий по представлению политического убежища. В настоящее время решения по вопросам внутренних дел принимаются по таким направлениям, как контроль над внешними границами Союза, иммиграционная политика, таможенное сотрудничество, сотрудничество в области гражданского и уголовного права. Причем, участие наднациональных институтов ЕС по этим вопросам минимально. Проведением скоординированной политики в данных областях занимается Совет министров внутренних дел и юстиции стран ЕС.

Все же неправомерно характеризовать ЕС и как подлинную федерацию, т.к. не все конфедеративные элементы утратили свое значение (например, частичное включение в компетенцию ЕС положений о социальной политике).

В сущности, ЕС является лишь успешным опытом развития региональной интеграции без создания сильного центрального правительства. Несмотря на преобладание федеративной тенденции, на протяжении последней четверти XX века и в настоящее время европейская интеграция развивается без единого Основного закона, четко определенных полномочий Центра и с минимальным союзным бюджетом.

Как справедливо отмечает И.М. Бусыгина, ЕС является уникально успешной попыткой сознательного выстраивания институтов, позволяющих независимым государствам объединяться даже при несформировавшейся общности политической культуры. Процесс вызревания общеевропейской идентичности не предшествовал, а следовал за процессом интеграции; во многих отношениях он по сей день пребывает в зачаточном состоянии. Такое отставание, однако, не препятствует взаимному интегрированию, хотя и вынуждает использовать специальные механизмы интеграции[4].

Таким образом, Европейский союз представляет собой реализацию федеративно-конфедеративного дуализма. С одной стороны, компромисс и достижения договоренностей являются неотъемлемым институциональным механизмом ЕС, с другой – в рамках Союза главы государств-участников преследовали, и будут преследовать разные цели.

Такой опыт построения геополитического пространства позволяет исследователям утверждать, что «определение форм отличия федерации от конфедерации является занятием скорее эмоциональным, чем рациональным»[5].

Федеративно-конфедеративный дуализм в рамках ЕС способствует переосмыслению «старых» понятий и подходов к федерализму (конфедерализму). В современной политической практике довольно часто черты конфедеративного государства переплетаются с федеративными характеристиками. Если в советской политической традиции федеративные и

конфедеративные начала рассматривались как антагонистические, то в настоящее время исследователи федерализма отмечают тенденцию размывания границ между федеративным и конфедеративным типами политико-территориального устройства, а их противопоставление считают умозрительным. М. Бёрджес отмечает, что «пришло время создать концептуальное пространство для нового типа «Конфедеративно-федеративного» союза, куда можно было бы поместить новые конфедерации. Современные тенденции, воплощающиеся в образованиях вроде ЕС, кажется, указывают, что в эпоху поздней современности мы движемся в направлении новой эры менее жестких и более ограниченных форм управления. Новая европейская модель конфедеративного союза пришла на смену классической американской модели федерации» [6].

Список литературы

1. Матафонова Ю.А. Истоки европейского федерализма / Ю.А. Матафонова // Вестник Читинского государственного университета. Вестник № 3 (44). – Чита: ЧитГУ, 2007. – С. 122.
2. Махмудова З.У. Конфедерализм: концепции и практика в современном мире. / З.У.Махмудова. – Москва: «Три квадрата», 2009. – С. 48.
3. Наумова Н.Н. Проблемы западноевропейской интеграции: история и современность. / Н.Н. Наумова // Введение в теорию международных отношений. – Москва, 2001. – С. 162.
4. Бусыгина И.М. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. // Неприкосновенный запас. – 2008. - № 3(59). – Рец. на кн.: Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. / Colomer Josep M. - London; New York: Routledge, 2007.
5. Столяров М.В. Теория и практика федерализма. Курс лекций о федеративном государстве: учеб.-метод. комплекс / М.В. Столяров. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 389.
6. Burgess M. Federalism and European Union: The building of Europe, 1950 – 2000 / M. Burgess. – L., 2000.

ФЕДЕРАТИВНО-КОНФЕДЕРАТИВНЫЙ ДУАЛИЗМ В СТАНОВЛЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Телушкина Ю.А., Матафонова Ю.А.

*Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия*

Соединенные Штаты Америки являются классическим федеративным государством. Только трудности, вызванные созданием нового буржуазного государства, способствовали систематизации и оформлению накопленных к этому периоду времени федеративных идей в единую теорию. Призывая к правовому равенству и созданию самоуправляющегося общества, пуритане новой Англии явились продолжателями идей мыслителей Реформации и Нового времени. Развивая идеи раннехристианских братств (congregations) о равенстве всех людей перед Создателем, они способствовали постепенной трансформации теологического федерализма в политический.

Отцы – основатели, взяв в 1620 г. на себя обязательство достигнуть соглашения с помощью учрежденных гражданских политических органов, к 1787 г. сформировали собственную федеративную политическую систему. До 1787 г. США представляли собой конфедерацию, что юридически закрепилось в «Статьях конфедерации» и вызывало проблемы при управлении территорией и решении внешнеполитических задач. Нараставший политический кризис, поставивший под угрозу само существование США, позволяет исследователям выделять некую историческую предрасположенность к созданию федеративной системы и рассматривать США в качестве первой в истории реализованной модели федерализма, являющейся определенным эталоном.

Мы считаем такую точку зрения приемлемой в случае выделения общих тенденций развития с дру-

гими федеративными системами и отсутствия унификации американского федерализма.

Во-первых, вполне естественно, что федеративная система не возникает на пустом месте. Примером этому может служить не только конфедерация американских штатов, но и другие федерации американского континента (как то, Канада, Мексика, Бразилия) и некоторые европейские государства (Германская империя 1871 г.).

Во-вторых, некоторой общей тенденцией или предрасположенностью к образованию федеративной политической системы можно считать наличие внешней угрозы и стремление играть более заметную роль в международной политике. Это положение справедливо как для Германии, объединившейся на началах федерализма в связи с франко-прусской войной и усиливающимся соперничеством между великими державами, так и для бывших английских колоний, стремившихся преодолеть ограниченность «Статей конфедерации» и добиться преобразования слабой структурированной конфедерации в сильное федеративное государство.

В-третьих, предрасположенностью являются и размеры государства (территориально-крупные государства) и культурно-этническая неоднородность общества [1].

Дучесик справедливо отметил, что люди оказываются рационально и подсознательно привержены территории своего проживания, ее образу жизни, ее институтам, культуре в ходе сложного процесса территориальной социализации [2]. Федерализм должен являться объединяющим и скрепляющим началом. Федерация, как воплощение федерализма с его согласительным началом, должна сочетать в себе преимущества государственного единства с некоторой (органично выстроенной) самостоятельностью ее субъектов.

На наш взгляд, в соответствии с историческими факторами модель образования американской федеративной системы может быть представлена поэтапно:

1. Этап отделения от метрополии – объединительные тенденции в североамериканских колониях приобрели соответствующие организационные формы. Впервые мысль об объединении североамериканских колоний была предложена Франклином в 1748 г., но была отклонена английским правительством. В связи с усилением колониального гнета конфликт между колониями и Англией становится неизбежным и приобретает конституционно-правовой характер.

Огромное влияние на политико-правовое сознание колонистов оказала Декларация прав штата Виржиния, провозгласившая независимость и свободу всех граждан. В августе 1774 г. законодательное собрание Виржинии обратилось к колониям с предложением ежегодно собирать конгрессы для обсуждения общих дел. Первый Континентальный конгресс собрался в Филадельфии 5 сентября 1774 г. Результатом его деятельности стало принятие «Декларации прав и нужд колоний», содержащей требования отмены законов, ущемлявших интересы поселенцев. После сражения при Лексингтоне, в мае 1775 г. открылся Второй Континентальный конгресс, принявший решение об объединении войск колоний и конфискации земель английской короны на Североамериканском континенте. Следует отметить, что с момента открытия и на протяжении нескольких лет Второй Континентальный конгресс играл роль общеколонийного законодательного органа власти, в котором решения принимались на основе равенства голосов штатов-колоний.